

УДК 122

Розалія Андреевна Смирновад-р филос. наук, доц., гл. науч. сотрудник
Института экономики НАН Беларуси**Rosalia Smirnova**Doctor of Philosophy, Associate Professor, Chief Scientific Officer
of Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belaruse-mail: smirnovasoc@yandex.ru**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ МОТИВАЦИЙ
ЛИЧНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Рассмотрены три типа существования социальной реальности с точки зрения уровня абстрагирования и рефлексии в соответствии с разными формами субъектности: философский, общесоциологический и личностный. Показан процесс детерминации жизненного мира человека в условиях воздействия социальных и культурных факторов, результатом чего выступает социальная реальность на уровне личностного бытия. Подчеркивается роль мировоззрения личности в самодетерминации и самостроительстве жизненного мира личности. Раскрыты основные черты жизненного мира человека в эпоху техногенной цивилизации.

Sociocultural Determination of Personal Meaning-Based Motivations as a Philosophical Problem

Three types of existence of social reality are examined in terms of the level of abstraction and reflection in accordance with different forms of subjectivity: philosophical, general sociological and personal. The process of determining the human life world under the influence of social and cultural factors, which results in social reality at the level of personal existence, is shown. The role of the worldview of the individual in self-determination and self-construction of the life world of the individual is emphasized. The main features of the human life world in the era of technogenic civilization are revealed.

Осмысливая результаты исследований в сфере методологии научного познания, в частности обществознания, можно фиксировать наличие трех толкований понятия социальной реальности: философского, направленного на анализ социальной реальности как подсистемы окружающего мира, выделенной в познании и практике из природы и отличной от нее; общесоциологического, связанного с изучением общества как организационной формы существования неприродной и надприродной реальности, и личностного, рассматривающего социальную реальность с точки зрения личностного бытия человека, его жизненного мира. Поэтому вопросы о субстанциональном основании социальной реальности, способе существования ее решаются на философском уровне анализа, где социальная реальность понимается как результат и процесс человеческой деятельности, как специфическая форма проявления человека в его родовом измерении. Поэтому изучение ее в первую очередь связано с анализом человеческого сознания и поведения, что особенно важно при объяснении социального творчества, ведущего к изменению самой социальной

реальности. И в этом случае необходим анализ социальной реальности, выводящий исследование на проблему деятельности, отчуждения и социального творчества, а также выявление условий, стимулирующих или тормозящих их, позволяющих выявить формирование представлений о социальной реальности с точки зрения личностного бытия как отражения реального жизненного мира человека.

В философии деятельность связывают с исторически сложившимися программами, в основе которых лежат культурно заданные нормы. В действительности люди, живущие в одной культуре, следующие этим нормам и занимающиеся одной и той же деятельностью, почему-то действуют различным образом, иногда выходящим за рамки принятых норм. Почему это происходит? Видимо, потому, что деятельность – это такая форма активности, которая способна по самой своей природе к неограниченному совершенствованию лежащих в ее основании программ, к неограниченному перепрограммированию в конкретной жизненной ситуации, т. е. творческая деятельность.

Л. С. Выготский на примере классической модели «буриданова осла» пытался показать, за счет чего и в каких случаях происходит выход за рамки программ той или иной деятельности. Ученый утверждал, что, в отличие от животного, человек сам создает стимулы, определяющие его реакции, и употребляет их в качестве средств овладения процессами собственного поведения. Человек сам определяет свое поведение при помощи искусственно созданных стимулов-средств [1, с. 101]. В данном случае в качестве такого искусственного стимула Выготский рассматривал жребий. Детерминация деятельности по жребию не является, по его мнению, единственной и наиболее совершенной формой свободного целеполагания. Тем не менее детерминация человеческой деятельности так называемыми социокультурными программами «снизу» явилась объектом критики российского философа Г. С. Батищева – сторонника ценностной детерминации «сверху», в частности, духовными ценностями. Он считает, что при описанном выше деятельностном подходе мотивацию человеческой деятельности понимают как конкретизацию потребностей, а последние – выражением «нужды». На уровне направленности личности, устремленности «сущность человека выразима и объяснима не через детерминации снизу и не как функционально и потребностно полезная норма, но иначе – через ее незавершенный путь и универсальное созидательное назначение» [2, с. 173]. Лишь в этом случае, по мнению Батищева, открывается путь к объяснению не мотивации из потребностей любого человека и ранга, а, наоборот, контроля над потребностями и подчинение их ценностной мотивации. Иначе, утверждает ученый, человек в своих мотивациях лишь следует, подчиняется детерминациям, идущим от потребностей, а не подвергает их снятию, не подчиняет их чему-то более высокому – ценностным устремлениям. На деле «только преодоление, только снятие и подчинение, укрощение и выход за пределы потребностного детерминизма открывает возможность адекватного принятия субъектом предметных задач, особенно же вхождения в ситуации креативно-проблемные, вхождения без всякого заранее установленного своемерного, заинтересованно-корыстного потребностного мерилла. Только по ту

сторону полезности – в смысле более высоких уровней бытия субъекта – и начинается собственно творческое развитие и совершенствование» [2, с. 174].

Правда, в ответах других философов на утверждения Батищева были высказаны критические замечания. Так, И. Т. Касавин напоминает, что сами социальные потребности автором истолковываются однообразно, натуралистически, тогда как человек не только удовлетворяет свои разнообразные потребности, но и сам их производит, совершенствует, оценивает их, придавая им человеческий характер. «Высокие духовные ценности, мотивы и цели, – считает Касавин, – не возникают на пустом месте; их непосредственным основанием является система духовных потребностей, которая, в свою очередь, обусловлена культурой и местом человека в ней» [3, с. 182].

Таким образом, полемика по поводу сущности и развития деятельности довольно четко очертила контуры одной из важнейших проблем человеческой активности – проблемы социокультурной детерминации социальной мотивации личности и одновременно субъектно-спонтанной формы существования ее жизненного мира. Впервые понятие «жизненный мир» ввел Гуссерль. По Гуссерлю, знание о жизненном мире есть более значимый и высокий по достоинству способ «донаучного» или «внеаучного» сознания, состоящего из суммы «непосредственных очевидностей». Это сознание, а также вытекающая из него форма ориентации и поведения и была названа Гуссерлем «жизненный мир» [4, с. 752]. Это дофилософское, донаучное, первичное в гносеологическом смысле сознание, которое имеет место еще до сознательного принятия индивидом теоретической установки. Это сфера «известного всем, непосредственно очевидного», «круг уверенностей», к которым относятся с давно сложившимся доверием и которые приняты в человеческой жизни вне всех требований научного обоснования в качестве безусловно значимых и практически апробированных. Гуссерль считал, что функционально и онтологически жизненный мир является основанием всех научных идеализаций; он субъективен, т. е. дан человеку в образе и контексте практики; выражается в виде целей; является культурно-историческим миром, или, точнее, образом

мира, каким он выступает в сознании различных человеческих общностей на определенных этапах исторического развития; как проблемное поле он не «тематизируется» ни естественной человеческой исследовательской установкой, ни установкой объективистской науки (вследствие чего наука и упускает из виду человека); он релятивен; обладает априорными структурными характеристиками – инвариантами, – на основе которых и возможно формирование научных абстракций и выработки научной методологии. По существу, жизненный мир существует в качестве естественного, непроблематизируемого условия человеческого бытия. Специфическими особенностями жизненного мира являются его непосредственная данность, очевидность и простота. Здравый смысл воспринимает его содержательную простоту и очевидность как не нуждающуюся в рациональном прояснении. Для естественной установки сознания жизненный мир является интересубъективным повседневным миром, универсумом жизнепрактических смыслов, обладающих непосредственной очевидностью, особой конфигурацией взаимосогласованного человеческого опыта.

На наш взгляд, этот универсум интересубъективного жизненного мира вплетается в ткань личной жизни конкретного человека, отражаясь и выражаясь в его мировоззрении, поэтому можно сказать, что мировоззрение, наиболее полно отражающее как жизненный путь человека, так и интересубъективный опыт межчеловеческого общения, детерминирует его развитие путем «пропускания» через себя высших обстоятельств жизни. В этом смысле мировоззрение личности есть не только результат жизненного пути; оно есть та реальность, в которой формируются человеческие творческие силы и способности. Благодаря постоянной интериоризации структур жизнедеятельности внешние детерминанты начинают функционировать в качестве внутренних, т. е. осуществляется перевод механизма детерминации активности из внешнего мира во внутренний жизненно-смысловой план. Мировоззрение личности в отличие от внешних детерминант выступает как непосредственный агент процесса самодетерминации, как глубоко личностная система внутренних детерминант человеческого поведения. Человеческая субъективность, выраженная в ми-

ровоззрении, определяет характер целей и мотивов человеческой жизнедеятельности. Создавая предметы в их «субъективной», воображаемой форме, предвосхищая в сознании результат деятельности, цели и мотивы становятся внутренним законом человеческой жизнедеятельности, определяя ее способ и характер, формируя жизненный мир личности. Таким образом, социальная реальность на уровне индивидуального бытия – это не независимый от человека мир, а реальность, зависящая от его сознания, мировоззрения, культуры, в которой он живет, от его видения и понимания этого мира, от жизненного опыта человека. Различные формы индивидуального существования социальной реальности уникальны: для одного она существует, для другого существует другая – и нельзя сказать, что одна «истиннее» другой, потому что вопрос об адекватности, истинности реальности жизненного мира решается не гносеологическими средствами, а жизненно-практическими. Социальная реальность на уровне личности существует не сама по себе, и не в сознании, а через человеческую жизнь и тот миропорядок, которому следует личность.

Именно поэтому детерминация программами и нормами деятельности в обстоятельствах повседневной жизни – это не воздействие «внешних» сил и образцов на человека, не ощущение несвободы, а, наоборот, естественность влияния, выражающаяся в ощущении свободного действия человека в условиях его жизненного мира. Конечно, в обществе человек подчиняется и внешним, чуждым ему детерминациям, и ориентирующим его на цели, задачи и потребности, задающие как бы извне способ их достижения и выполнения, допускающие рациональный контроль и корректировку. Тем не менее неявное включение культурных программ в жизненный мир человека выступает для него как возможность свободного действия. Эта возможность основывается на том, что мир как реальная действительность человеческого бытия является естественной сферой жизни для индивидов, а не просто совокупностью обстоятельств и причин, внешним образом детерминирующих свободную активность человеческих действий и поступков. Спонтанность этих действий как раз и указывает на наличие тех срезов и пластов индивидуального бытия человека,

которые всегда уникальны, т. е. не вытекают целиком и полностью из совокупности заданных условий.

Если детерминацию понимать как некое внешнее навязывание индивидам определенных сил, условий факторов и т. д., то неизбежно придется признать существование особого наиндивидуального мира, практически не связанного с жизненным миром человека. В этом случае детерминация понимается как господство законов, норм, идей, ценностей и т. п., способных обеспечить протекание социально-исторического процесса, сводя на периферию этого процесса участие живых индивидов, их деятельность и свободу. Поэтому влияние даже внешних целей и идей на жизнь человека не есть детерминация «сверху» и «над». В любом случае, даже будучи чуждыми жизненному миру человека, они приобретают силу естественности, но, в отличие от свободно реализуемой детерминации, связаны с принятием человеком определенных функций, диктующих индивидам ролевые схемы деятельности. Хотя это и «наиндивидуальный» пласт человеческого мира, тем не менее он «вырастает» на естественном базисе жизненного процесса.

Между тем, хотя эти детерминанты образуют наиндивидуальные предпосылки деятельности, воздействие на конкретных индивидов происходит в той мере и постольку, поскольку индивиды образуют определенные устойчивые социальные группы, коллективы, общности и где они действуют как «представители» той или иной группы, коллектива со своими выработанными нормами поведения, кругом интересов. Этот способ детерминации распространяется на конкретных людей как на социально определенных индивидов в пределах сложившегося образа жизни. Такую форму детерминации можно назвать социальной, т. к. она выражает совокупность обстоятельств, определяющих общие условия, факторы и цели действий индивидов, принадлежащих к социальным группам и сообществам в рамках общего для них мира. На практике эта форма детерминации возможна лишь на фоне естественно сложившихся форм жизни и общения людей, обеспечивающих их осмысленное развитие и свободу. Такая форма естественной детерминации человеческого мира, где накапливаются и передаются от по-

коления к поколению различные предметы и духовные условия и формы свободного развития человека, где естественно-жизненные связи мира делают возможным свободные действия человека, и есть культурная детерминация. Ее нельзя представлять лишь как некое надстроечное образование, отождествляя ее при этом с формами общественного сознания или же с формами духовного производства. В действительности этот тип детерминации разворачивается как естественный пласт общественной жизни людей, практики и общения, общения не только между современниками, но и всей цепью людских поколений в границах общего мира. При этом социальные и культурные детерминанты действуют не сами по себе, а через мировоззрение личности, особым способом определяя конфигурацию смыслов, целей и мотивов человеческой деятельности.

Изучая социокультурную детерминацию всех форм жизнедеятельности на уровне личности, необходимо учитывать, что конкретный человек имеет свой жизненный путь и имеет именно потому, что он так же, как человеческий род в целом, ежедневно заново воспроизводит свою собственную жизнь. Индивидуальная судьба человека всегда в той или иной мере вписана в жизнь целого поколения, она всегда несет в себе историю, эпоху, специфические общественные процессы, жизнь социальных групп, к которым принадлежит личность, и т. п. В связи с этим личность как представитель всех этих социальных общностей и культурного наследия может:

1) выступать участником историко-культурного процесса и творцом социальной реальности;

2) творить социальные обстоятельства своей индивидуальной жизни и типичные способы жизнедеятельности;

3) творить самого себя на основе и в процессе своей социально-преобразовательной деятельности.

И в этом плане мировоззренческая детерминация деятельности личности выступает как житнетворчество. Житнетворчество выражается не только в выработке определенной жизненной концепции и жизненной программы, сознательном выборе жизненных целей и путей их достижения, но включает активную деятельность человека по реализации его жизненных целей, планов и

программ. Речь «идет о самостроительстве личности, об активном и сознательном созидании человеком самого себя, причем не только об идеальном проектировании себя, но и чувственно-практическом воплощении этих проектов и замыслов в условиях трудного и сложного существования. Словом, речь идет о жизненном творчестве. Творчество и есть высший принцип данного типа жизненного мира» [5, с. 138].

По существу, мировоззрение человека как бы изменяет предметные связи мира, наполняет его личностным и культурным смыслом, истоки и генезис которого коренятся в некоторых изначальных для определенного сообщества людей жизненных и практических обстоятельствах и событиях. Поэтому их иногда называют архетипами. Архетипический слой культурного опыта фиксирует и делает достоянием всех то общее, которое как бы уже было, однако его смысл раскрывается благодаря тому, что оно актуально есть, ибо этот опыт входит в плоть и кровь современного бытия людей, нынешнего их мировоззрения. Архетипы выявляют ту историческую общность, которая не есть итог сознательных усилий отдельно взятых индивидов. При этом архетипы культурного процесса в мировоззрении человека определяют не содержательную наполняемость личного, «моего» опыта, они лишь образуют смысловую конфигурацию возможных цепей и мотивов духовной жизни, не предписывая при этом того, что (и когда) войдет в индивидуальный опыт в качестве события. Реконструкция типичных для того или иного периода ситуаций или же типов межчеловеческого общения, ментальных установок, стереотипов, реакций на окружающий мир происходит согласно архетипическим традициям, которые определяют и внешний рисунок событий общественной жизни, и внутренние механизмы обусловленности ими жизненного мира человека. Поведение отдельной личности, его жизненный мир и мировоззрение в данном контексте предстает в виде функции господствующего в данном социуме мировоззрения (со всеми его более или менее осознаваемыми слоями и компонентами). В разные эпохи оно выступает в качестве априорной формы опыта, предопределяя индивидуальную картину мира и как бы неосознанные представления о про-

странстве и времени, природе и культуре, труде, справедливости, бедности и богатстве, семье и любви, святости и греховности, жизни и смерти и многие другие. «Повседневность» понимается предельно широко – как нечто типичное для жизни определенной группы людей, ее культурная обстановка, бытовой антураж, личностные типажи.

Анализ этой проблемы на личностном уровне зачастую показывает несогласованность, дисгармонию влияния культурных и социальных детерминант на деятельность и поведение человека, что выражается в диалектике отчуждения и творчества. Здесь речь идет об отчуждении как социальном процессе, характеризующемся превращением человеческой деятельности, ее результатов, а также самого ее субъекта во внешнюю, самостоятельную, господствующую над человеком и неподвластную ему силу [6]. Примечательно, что отчуждение в современную эпоху касается не только трудовой, экономической деятельности, но и политической, культурной и повседневной сфер человеческого существования. При этом, если творческая деятельность характеризуется самостоятельностью и свободой субъекта в постановке целей и средств ее достижения, субъектно-субъектными отношениями с другими, самооценностью и самореализацией человека, т. е. культуросозидательностью, то отчуждение, как правило, ограничивает творческий потенциал личности отчужденными формами общественной организации творческой деятельности, что наблюдается не только в искусстве, но и в труде, политике и социальной активности людей. Существует один путь разрешения этого противоречия – «разотчуждение как снятие конкретно-исторических форм отчуждения посредством особого вида творческой деятельности, созидающей не только некий готовый результат («вещь»), но и новые общественные отношения, несущие в себе развернутую логику его сотворения (становления)» [6].

Однако понимание жизненного мира человека XXI в. как сферы субъективности, свободы и жизнетворчества наталкивается, по мнению ученых, на неожиданное препятствие: происходит процесс онаучивания и технизации жизненного мира. Оказывается, что он (жизненный мир) «на деле в значительной мере вынесен за пределы психики. В современную эпоху общение с техни-

кой явно выходит на первый план по сравнению с общением между людьми или с природой, в особенности, если учесть, что два последних типа общения также почти невозможны вне технических средств. При этом роль средства порой отходит для техники на второй план: телевизор, телефон, машина, компьютер становятся ценностью сами по себе, как бы независимо от того, насколько они помогают общению людей между собой или с природой» [7]. Этот процесс Касавин назвал десубъективизацией жизненного мира человека, в результате которого современный человек неизбежно и необратимо превращается в беспомощного «юзера», способного лишь более или менее успешно пользоваться окружающими предметами, не понимая их свойств и принципов работы. Философ утверждает: «Цивилизация юзеров» не является порождением повседневности самой по себе, это результат целого комплекса социокультурных процессов, которые повседневность с той или иной степенью успешности пытается переварить, перевести в наименее болезненную форму» [7]. В ходе этого процесса в субъективности человека появляются совершенно новые по сравнению с прошлыми веками черты: гиперкоммуникативность и сверхинформативность, приводящие к отсутствию осмысленности информации и «террору схематизации»; утрате собственной стабильности и критериев нормальности происходящего в мире, риску как к вполне повседневному, повторяемому, обычному явлению общест-

венной жизни. Нужно сказать, что в классическом образе жизненного мира риск выступал в качестве аномалии; сегодня же риск вполне повседневное, повторяющееся, обычное явление человеческой жизни. Риск как неизбежная составляющая деятельности, общения, поведения и сознания входит в современную структуру жизненного мира, в котором проявляется противоположная тенденция – усиление тяги к традиционным ценностям (дом, семья, нация, религия, патерналистское государство).

Таким образом, анализ способов детерминаций жизненного мира и характера человеческой деятельности позволил вычленивать, по крайней мере, две основных детерминации – социальную и культурную, которые, преломляясь в мировоззрении личности, направляют его действия и поведение, связанные, как с необходимостью человека функционировать в сложившихся социальных связях, нормах, так и выходить за их рамки, находить новые программы деятельности, строить свой уникальный жизненный мир. Тем не менее культурные и социальные детерминанты человеческой деятельности в реальной жизни не только стимулируют творческую деятельность людей по преобразованию себя и социальной реальности, но и ограничивают ее. Более того, только высвобождение творческого потенциала человека от социально отчужденных оков его социального бытия способно освободить его для реализации поставленных целей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский, Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. – М., 1930. – С. 101.
2. Батищев, Г. С. Неисчерпаемые возможности и границы применимости категории деятельности / Г. С. Батищев // Деятельность: теория, методология, проблемы. – М. : Политиздат, 1990. – С. 173–174.
3. Касавин, И. Т. Деятельность: теория, методология, проблемы / И. Т. Касавин. – М. : Политиздат, 1990. – 369 с.
4. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – М., 2000. – 752 с.
5. Василюк, Р. Е. Психология переживания / Р. Е. Василюк. – М., 1984. – С. 138.
6. Булавка-Бузгалина, Л. А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам / Л. А. Булавка-Бузгалина // Вопр. философии. – 2018. – № 6. – С. 202–214.
7. Касавин, И. Т. Мир науки и жизненный мир человека [Электронный ресурс] / И. Т. Касавин. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000924/-st000.shtml>. – Дата доступа: 02.03.2020.

Рукапіс надіі у редакцію 17.04.2020